

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

**РАСШИРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ГОРИЗОНТА:
Рудницкая Е.Л. Лики русской интеллигенции. Научные
труды / Е.Л. Рудницкая. М.: «Канон+» РООИ
«РЕАБИЛИТАЦИЯ», 2007. – 624 с.)**

Целое много больше чем сумма частей. Казалось бы, в книге просто собраны под одной обложкой более двадцати статей и эссе разных лет, уже ранее публиковавшиеся, и новые монографические изыскания в архивах. Работы, охватывающие исторические эпохи, людей и страны, в которых они размышляли и действовали, столь разные, что невозможно найти в них тенденцию, общую линию, стратегическую позицию. Тем более что я, не историк, а социолог, занимающийся проблемами современных общественных движений в России и Европе, читал эту книгу под весьма специфическим углом зрения: а были ли хоть как-то учтены эти исторические уроки во второй половине XX века и вообще — нужно ли их учитывать в наш век «перерыва постепенности» (П. Дракер), который ведущие социологи мира называют веком неопределенности (З. Бауман, П. Бурдьё)? Когда не интеллигенция и не ученые, а говорящие головы и рейтинги определяют «текущий момент»? Стоим ли мы снова перед теми же проблемами, что и русская интеллигенция 150 лет назад или же, как сейчас пишут, Россия окружена «новыми вызовами»? И главное — каково дальное действие «длинных волн» истории, употребляя выражение Н.Д. Кондратьева? Тем не менее, логика исторического процесса, блестяще проявленная Е.Л. Рудницкой через мысли и поступки его участников, их полемику «лицом к лицу» или научную и публицистическую рефлексию, свидетельствует, что российская история непрерывна, несмотря на все ее изгибы и возвратные ходы. Что люди, их мысли и концепции исторического развития России, суть «ткань истории» — важнейшая ткань, позволяющая транслировать принципы и формы социального действия «поверх» «текущего момента».

Личностно-психологический подход к анализу исторического процесса, населения этого процесса живыми людьми, используемый автором, принес нетривиальные плоды. Автор характеризует метод

Н.Я. Эйдельмана как преодоление грани между объективным и субъективным (с. 554). Но это в полной мере относится и к методу рецензируемой работы. Замечу, что в современной социологии, и не только российской, интерес к пониманию социальной динамики «через человека», его микроисторию, через исследование его национальных и культурных корней растет с каждым днем. Растет по двум причинам. Потому что нужны «свидетели повседневности», понимание мыслей и чувств маленьких, но действенных агентов исторического процесса. Но также и потому, что нужны не комментаторы «момента», а глубокие аналитики, требуется «обострение ума», по образному выражению Чаадаева (с. 211). Прав был современный немецкий социолог У. Бек: нашему времени критически не хватает глубокой рефлексии, «радикального сомнения». «Рассекречивание истории» (с. 556) невозможно только через архивный документ, нужны живые свидетельства. И тогда «далекое прошлое выходит на современность» (с. 557). И — наоборот: «Заденешь прошлое — отзовется современность» [5, с. 7].

Теперь — об архивах. Для историка это естественный метод, и автор собственными разысканиями, равно как и примером Н.Я. Эйдельмана и других историков, свидетельствует, что архивы бездонны. Особенно если это их «медленное чтение» (с. 541). Когда-то на мой недоуменный вопрос, разве можно сегодня что-то еще найти в архивах о внешней политике Петра I, молодой американский историк ответил: «Иностранные дипломаты при дворе Петра I писали не только официальные отчеты своим правителям, но существовал еще жанр личных записок. Так вот, я их нашел в В-ком архиве» (я тут же вспомнил подобную практику иных наших учреждений за рубежом). Но социология тоже все более интересуется архивами. Не только в прямом смысле, но ведущие российские социологи (Г.С. Батыгин, В.В. Козловский) разрабатывали проекты по изучению профессиональных биографий или (как Б.А. Грушин, А.В. Журавлев) перерабатывали серии своих одномоментных срезов российской действительности за 20–30 лет (опросов общественного мнения и др.) в динамические ряды. То есть рассматривали их как архив, тяготея тем самым к историческому методу.

Теперь о некоторых проблемах, актуальных и сегодня. Первая — это российская идентичность, вечный вопрос: «кто мы? где мы?». И первый вопрос: идентификация в цивилизационном пространстве Европы. П.Я. Чаадаев: философия национальной исключительности «только питает национальную вражду», лишь овладев подлинным просвещением Европы, можно воспользоваться ее опытом (с. 212–213). Ту же мысль проводит М.А. Максимович: «...не перенимать, но понимать европейское для возвышения русского» (с. 127). А.И. Тургенев: я — «космополит и русский в одно время» (с. 67), хотя и прогнозировал озлобление «против нас просвещенной Европы»

(с. 75). Показательно, что идеи и контакты шестидесятника Н. Ножина (открытого автором монографии), сторонника русского общинного коллективизма, буквально пропитаны европейским духом — достаточно сказать о его приверженности идеям О. Конта и Г. Бокля, верность принципам биосоциального подхода в социологии, а главное — убежденность, что наука есть «двигательная сила к достижению человеческого идеала — решению общественных вопросов» (с. 333).

Как подчеркивает Рудницкая, Н.Г. Чернышевский видел «глубинный смысл включения русского народа в общечеловеческое движение в направлении к европейской цивилизации — “обеспечение частных прав отдельной личности”, усвоение выработанной западноевропейской мыслью идеи свободы, противостоящей понятию “воля” и произволу, движение к гуманистическим духовным ценностям, которые несовместимы с “сонмом азиатских идей” и “приличны цивилизованным людям”» (с. 209). Причем все они — от либералов до социал-демократов — подчеркивали, что только овладев подлинным просвещением Европы, можно воспользоваться ее опытом (с. 213).

Но Европа была для русских мыслителей не кладезем образцов, а средой, возбуждавшей их интерес к русской истории, осмыслению ее специфики. Более того, все сделанное там (ланкастерские школы, журналистская деятельность как просвещение и как выражение характера и мнений народа, перевод политических сочинений французских и английских авторов на русский язык), мобилизовалось для пользы России. П.А. Вяземский, А.И. Герцен, П.Я. Чаадаев, Н.Г. Чернышевский — все они подчеркивали значение ответственности как нравственного императива социальных преобразований. Причем, цитирует Рудницкая мнение историка А.М. Сергеева, возвышение России «связывается Чаадаевым не с последовательным решением все нарастающих проблем (они будут возникать вновь и вновь), а с пониманием ее мировой роли и ответственности» (с. 214). Очень современная оценка! И — снова о роли личности в этом процессе. Рудницкая приводит пророческие слова В.В. Розанова: отсечение Чернышевского от общества, от «государственного строительства» — «преступление» власти, открывавшее России прямой путь до Цусимы: «С выходом его в *практику* — мы *не имели бы и теоретического нигилизма*» (с. 215). Пророческие, потому что подтвердились самым практическим образом. Вот как видел ситуацию мой дед, Ф.Ф. Яницкий, из Маньчжурии в 1904 г.: «По существу это движение [радикальной интеллигенции. — *О.Ян.*] не симпатично, ибо желая сделать для России якобы лучше в одном, — оно губит Россию в другом. Мнящие себя передовыми людьми — что же сделали <они> хорошего для России? Они — воспользовались в высшей степени затруднительным и тяжелым положением России вследствие войны — и стали вырывать у правительства согласие и разрешение на всякие

реформы!.. О чем это говорит? — О любви ли к Родине, о желании искреннем ей улучшения, добра, блага, или о корыстном властолюбии и честолюбии добиться своего путем насилия из-за угла? Россия изнывает на поле брани, а оставшаяся дома интеллигенция занимается тем, что четвертует и колесует бедную Россию, отвлекает силы и внимание от общего первейшей важности ратного дела, смущает умы и дома, и на полях брани <...> а там — дома — готовится похищение власти из одних рук старого правительства в другие руки под видом европейского соуса, именуемого революцией, конституцией и пр. <...> Если бы люди, мнящие себя передовыми в России, — желали искренне добра Родине, — они, как это делают и делали и теперь во всех народах и государствах мира, прежде всего сплотились все как один для одоления врага на поле брани, ибо там решается теперь судьба России — и государственная, и политическая, и экономическая, — а затем, покончив с этим величайшим делом, — занялись бы всеми силами устройством дел и у себя дома, их реформированием, изменением, организацией. Так говорит здравый разум! Не то сделали интеллигенты русские, они поступили наперекор здравому смыслу и послужили по праву посмешищем в Европе и даже в Японии, в руку которой они так много сыграли!» [цит. по: 6].

Прав был кн. П.А. Вяземский, говоря, что необходимо внедрять в сознание людей чувство гражданственности «от Амура до Невы» (с. 109). «Что есть любовь к отечеству в нашем быту? Ненависть настоящего положения». «Бог голодных. Бог холодных, / Нищих вдоль и поперек, / Бог имений недоходных / Вот он, вот он русский Бог!» (с. 114) — это тоже Вяземский. А.И. Герцен, оценив обличительную силу стихотворения этого либерала, напечатал его в Вольной русской типографии в Лондоне отдельным листком. Интересно, мог бы написать что-нибудь подобное современный российский либерал?

Откуда такая прозорливость, умение видеть перспективу и не терять частностей? Много тому источников и объяснений, но главное — среда, которая воспитала и питала эти личности. Безусловно, и радикалы, и либералы, и западники, и славянофилы были личностями. Личностями, стоявшими «на плечах великих» и прежде всего — русских и европейских просветителей. Они их читали, изучали, общались с ними лично и по переписке, причем это была среда самая разнообразная: естественнонаучная, гуманитарная, политическая, журнально-газетная. Вследствие ее культурного и политического разнообразия, плотности и интенсивности функционирования люди, о которых идет речь в книге, даже если они были изолированы (вынужденной эмиграцией, ссылкой, ссылкой), практически из нее как из *среды духовной и интеллектуальной* не выпадали. И так было вплоть до октября 1917 г. Сегодня принято называть современное общество сетевым. Действительно, два типа сетей — профессиональные и «раскованные» (Живой Журнал

никак иначе не воспринимаю) — интенсивно развиваются. Но и те, и другие суть короткие сообщения, записочки, «информация», виртуальные тусовки, поэтому сравнивать их с той напряженной интеллектуальной жизнью, которую вела интеллигенция XIX века, невозможно. Не было компьютеров, но постоянно работала «сеть» человеческих контактов, а по интенсивности перемещения этих людей по России и Европе они вполне сравнимы с их потомками. Пожалуй, по интенсивности и интеллектуальному уровню круга общения людей, о которых идет речь в книге, можно сравнить только с такими фигурами как Н.И. Вавилов, В.И. Вернадский, П.Л. Капица или Д.С. Лихачев. Видимо, затухает тот импульс межличностного общения, который питал науку, литературу и публичную жизнь XIX века. Впрочем, для фигур той эпохи размышление и гражданское действие были практически неразделимы.

Здесь мы подходим к центральной, с нашей точки зрения, проблеме, поднимаемой Рудницкой: смысл и направленность русского активизма исследуемого периода. Сам подход, развиваемый автором, принципиально важен: это — люди мысли и действия, не «книжные черви», но практики политического действия, независимо от чинов и званий. Они не гнушались никакой черной работой, если считали, что она на благо общества. Беспеременно создавали студенческие кружки и воскресные школы, книжные магазины, общественные столовые и кухмистерские, братства, коммуны и артели, общества «взаимного вспомоществования» и особенно — общественные библиотеки и народные читальни с одной целью: поднять, разбудить и просветить общественное сознание. При гигантски возросших возможностях коммуникации сегодня таких людей в России значительно меньше: в почете не просвещение, а «дело», сделка, очередной «проект». Публичные лекции сегодня гораздо более распространены в Западной Европе, нежели в России.

Ключевой вопрос: активизм-в-контексте истории, активизм как ресурс постепенной трансформации общественного уклада, или же — активизм «во что бы то ни стало», активизм как кнут и топор, «ускоряющие» исторический процесс? Опираясь на критерий рациональности (я бы сказал, контекстуальности), автор выявляет полюса гражданской позиции. На одном полюсе поздний Герцен, считавший (и, как оказалось, вполне справедливо), что буржуазный мир еще жизнеспособен, и поэтому противопоставлявший постепенность ненасильственных трансформаций в российском обществе радикальным утопиям, основанным на насилии, на освобождении «избиением» (с. 424). На другом — нигилизм, П. Ткачев и С. Нечаев, с их вождизмом и нетерпением, подменившие в конечном счете нравственность целесообразностью. Русский бланкизм, исходя из постулата «разум правит миром», санкционировал право «мыслящего меньшинства» вершить по своей воле историю. И тем самым исключал народ — или, по его терминологии, «нецивилизованную толпу», — из непосредственного политического действия

«по причине его неподготовленности» (с. 388–389). Отсюда — всякая толика гуманизма, сочувствия активиста считалась вредной для дела революции. По словам любимого Ткачевым героя романа Ф. Шпильгагена, «чтобы доставить торжество своим идеям, он не щадит ни людей ни принципов» (с. 401). Однако автор монографии не ограничивается противопоставлением мировоззренческих полюсов, она выстраивает линию трансформации от одного к другому: высокие нравственные принципы П.Л. Лаврова, нравственный релятивизм Бакунина и решительный аморализм Ткачева, который публично предъявил обществу сам механизм формирования религии безнравственности, обнаружив ее рационалистические (я бы сказал, сугубо утилитаристские) истоки, превращение благородного в своей первооснове стремления к благу ближнего в зло и насилие (с. 427–428).

Одно только для меня остается загадкой. Автор многожды свидетельствует, насколько силен был активизм студенческой молодежи XIX века, с каким энтузиазмом она погружалась как в дискуссии по всем вопросам общественного устройства России и Европы, так и в черновую работу по организации сети политической коммуникации от Лондона до Урала. Не Лондон и Париж, а Гейдельберг и Геттинген были центрами притяжения для студенческой молодежи из России. Причем их профессура не мыслила своих русских студентов вне науки, снабжая их рекомендациями для последующей службы в Российской академии наук (с. 69–70). При этом, как открытый Рудницкой Н. Ножин, многие другие упоминаемые в книге русские студенты, совмещали общественно-политическую деятельность с серьезной научной работой у лучших европейских профессоров. И делали научные открытия. А еще студенты работали в типографиях, общественных столовых, больницах и домах призрения. Потом участвовали в первой русской революции. А в первую мировую войну — работали в госпиталях и санитарных поездах. И все это продолжалось вплоть до октябрьской революции 1917 г. Но в перестройке конца 1980-х гг. и позднейших общественных инициативах и движениях, за исключением, может быть, студенческого природоохранного движения, участия практически не принимали. Но для последнего это была традиция, уходящая корнями в 1960-е гг. и даже дальше, к истокам российского природоохранного движения начала XX века, основы которого были заложены опять же столпами русской интеллигенции того времени Д.Н. Анучиным, И.П. Бородиным, В.В. Докучаевым, В.С. Соловьевым... А все остальные студенты? Активные члены политических клубов и мини-партий рубежа 1980–90-х гг. — это 30–40-летние и старше. И чем ближе ко дню нынешнему, тем старше возрастная состав таких клубов и объединений. Одно из объяснений я получил от студентов Тартуского университета: «Вы заварили эту кашу, вот и расхлебывайте. А нам надо учиться!». Но это Тарту, а что же российское студенчество?

Одна из сквозных тем рецензируемой книги — русская община, ее роль в революционных преобразованиях русского общества и шире — в сохранении и воспроизведении русского этоса и его уникальной культуры. Здесь нет возможности даже кратко изложить все *pro et contra* на этот счет. Вместе с тем исторически эта тема оказалась одной из самых «дальнодействующих» проблем теории и практики трансформаций нашего общества. Казалось, что община уже давно похоронена — реформами 1860-х гг., переселенческим движением начала XX в., революциями, гражданской войной, колхозами и совхозами, внедрением фермерства и т. д. Ан, нет: уже П.А. Столыпин, инспектируя на месте результаты своих реформ, увидел, что освоение новых земель невозможно без «общества», без крестьянского коллективизма. Сегодня выясняется, что для выживания коренных малых народов Сибири, Севера и Дальнего Востока (а их численность — не менее четверти миллиона человек) жизненно необходимо сохранение коллективных форм хозяйствования и повседневного уклада. И уже совсем неожиданный сигнал пришел из США. Бывший губернатор штата Аляска и министр внутренних дел США У. Хикл, написавший книгу «Проблемы общественной собственности. Модель Аляски — возможность для России?», говорил на ее презентации в общественной палате РФ, что «земли и ресурсы Аляски являются общей собственностью. То есть это общественная собственность», включая минеральные ресурсы. Поэтому «экономическую систему Аляски нельзя отнести ни к чисто капиталистической, ни к социалистической. Эта система отвечает требованиям традиционной северной культуры, при которой выживание в суровых условиях зависит от усилий всего народа, а не отдельного человека» [4]. По нашим данным, многие русские села Сибири, в том числе состоящие из бывших переселенцев, выживали бы гораздо легче, если бы обладали правом реального самоуправления. Вероятно, есть глубокий смысл в словах А.И. Солженицына, говорившего, что одно государство не в силах обустроить народную жизнь. Напомню, что сосланные в Сибирь декабристы не только много сделали для ее духовного подъема, но занимались ее обустройством практически, начиная от планирования городов и до разбивки огородов [см, например: 2], а бывшие народовольцы стали земскими работниками — статистиками, учителями. Настоящая интеллигенция никогда не гнушалась черновой работой.

И последнее. Е.Л. Рудницкая подробно освещает апологию и критику мальтузианства и социального дарвинизма в российской социологии XIX века, их понимание соотношения роста человеческих сообществ и отношений внутри них (с. 323 и след.). Факт стремления этих незаурядных личностей осмыслить соотношение биологического и социального применительно к российской действительности и всемирно-историческому процессу в целом сам по себе примечательный, поскольку мало замечен историками российской социологии. Но не менее интересна судьба самой научной и практической проблемы. В социологии XX века наиболее систематическая попытка продолжения

этой линии была сделана отцами-основателями Чикагской школы городской социологии почти сто лет тому назад [9], однако позже на протяжении почти 40 лет постулат «социология опирается только на социальные факты» был доминирующим. Как известно, ортодоксальным марксизмом биосоциальный подход был решительно отвергнут. Большевики, и прежде всего Л. Троцкий, считали, что «нового человека» можно просто сконструировать. И. Сталин вообще свел роль биологического фактора к нулю, заявив, что «кадры решают все», а природа будет «покорена». Тем не менее, начиная с фундаментальных работ В.И. Вернадского 1920–40-х гг. о роли живого вещества, приведшей его к выдвиганию концепции биосферы [1], затем — серии докладов Римскому клубу о глобальных последствиях роста народонаселения и загрязнения атмосферы [см., например: 3], позже — разработки новой экологической парадигмы [7, 8] и т. д., по сей день Природа, включая биологическую природу человека, устами ученых все настоятельней «заявляет» о себе как факторе исторического процесса, а ее сохранение оказывается императивом выживания человечества как биологического вида и культурного существа. И чем дольше мировая элита бизнесменов и политиков будет игнорировать этот факт, полагая, что «сначала экономика — потом экология», тем выше будет цена. Так что проблемный горизонт исторической науки вновь расширяется, чему немало способствует новая книга Е.Л. Рудницкой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории. Вып. XVI. М.: Наука, 1980. С. 212–222.
2. *Завалишин Д.И.* Записки декабриста Д.И. Завалишина. Печать типографии товарищества М.О. Вольф: СПб, 1892.
3. *Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рандерс Й.* За пределами роста. М.: Издательская группа «Прогресс», «Пангея», 1994.
4. *Хикл У.Дж.* Модель Аляски — возможность для России? [Из выступления в Общественной палате РФ 23 марта 2006 года] [online]. Дата обращения 11.01.2009. URL: <<http://sr.fondedin.ru/new/admin/print.php?id=1145953747&archive=1145955478>>.
5. *Шmidt С.О.* Твердый знак истории // Кентавр. Приложение к Новой газете. 2007. № 2. С. 7.
6. *Яницкий О.Н.* Семейная хроника. 1852–2002 гг. М.: Изд-во LVS. С. 13.
7. *Catton W.R, Jr. and Dunlap R.E.* Environmental Sociology: A New Paradigm // *American Sociologist*. 1978. Vol. 13. P. 41–49;
8. *Dunlap R.* Paradigmatic change in social science: From human exemption to an ecological paradigm // *American Behavioral Scientist*. 1980. Vol. 24. No. 1. P. 5–14.
9. *Park R.* Human Communities. The City and Human Ecology. Glencoe, 1952.

О.Н. Яницкий,
д. филос. н., профессор, зав. сектором
Института социологии РАН